

**РОМАН «ЗАПИСКИ МАЛЬТЕ ЛАУРИДСА БРИГГЕ» Р.М. РИЛЬКЕ
В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ**

В статье рассматривается роман австрийского поэта Райнера Марии Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» в контексте русско-литературных связей. В романе находит отражение особое отношение Рильке к личности Л. Толстого и теме женственности. По мысли поэта, женщина интуитивно постигает мир. В любви она способна на самоотречение и самопожертвование. Образцами истинной любви для Рильке были мифологические и реальные женщины. Эти героини не могли надеяться на осуществление своей любви, но сила их чувства приближала к Богу. Такая любовь по Рильке есть залог духовного развития. Тема женственности имела большую популярность в русской литературе. Она нашла свое воплощение в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Соловьева.

Бог, «Записки Мальте Лауридса Бригге», «вечные любящие», идея женственности, любовь, одиночество, Райнер Мария Рильке, русская литература, Л. Толстой, самоотречение, творчество.

Вершиной прозаического мастерства Р.М. Рильке стал роман «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910). Страницы, написанные в реалистической манере, соседствуют здесь с неоромантическими традициями письма, которые трансформируются в еще только предвосхищавшийся тогда экспрессионизм. Некоторые фразы романа читаются как стиховые, отдельные фрагменты повествования являют собой ритмизированную прозу.

Главный герой романа датский поэт Мальте Лауридс Бригге, живет в Париже, глубоко подавленный ужасом перед огромным городом. Это бунтарь-богоискатель, натура одаренная и глубоко чувствующая, в какой-то мере alter ego самого писателя. Мальте чрезвычайно одинок. При этом он пристально вглядывается в людей, с которыми его сталкивает судьба, хочет разглядеть в каждом человеке неповторимое, особенное, отличное от других. Его наблюдения поражают точностью. Он глубоко проникает во внутренний мир человека. Пусть этот человек нищий, пусть он выброшен за борт жизни в большом городе – его внутренний мир не теряет для Мальте своей ценности.

Но это стремление постичь человека, исходя только из его индивидуальности, из единичного и особенного, приводит героя к замыканию на себе самом, на своих личностных переживаниях. Мальте вспоминает детство в Ульсгоре, в Урнеклостере, вспоминает юность, страницы прочитанных книг. Воспоминания чередуются с живыми впечатлениями от Парижа – и все это нанизывается на единый субъективный стержень. Желая сохранить собственное «я», Мальте обрекает себя на одиночество. Даже любовь, считает

Мальте, ограничивает истинную свободу человека, поскольку любовь несвободна от страсти к обладанию, от стремления подчинить себе жизнь другого. Она невольно превращает бытие любимого в заключение, ведь из ожиданий и надежд любящих складываются условия игры, определенная схема поведения. Роман заключает притча о Блудном сыне, ушедшем из родного дома, потому что он не хотел быть любимым, не желал соглашаться только на один вариант своей судьбы, складывающийся из ожиданий и надежд его близких. В странствиях по свету Блудный сын надеется найти такую любовь, которая не ограничивала бы свободу другого, не сводилась бы к желанию владения. Одно время ему кажется, что он находит свой идеал в любви к Богу, но это решение неустойчиво.

Стремясь отгородиться от людей, Мальте в то же время испытывает к ним страстный интерес и, что важно, сострадание. Люди вокруг него вызывают к участию. Мальте видит своим идеалом флюберовского Юлиана Странноприимца, самоотречение которого представляется ему возведенной в высшую степень любовью к ближнему. Разница только в том, что окружающие его страшные, уродливые образы никогда не сбросят своей ужасной оболочки и не предстанут ангелами. Они останутся в той же нищете и болезнях.

Но Мальте не находит сил для такой любви. Он полон сострадания к людям, но он чужой среди них. Погруженный в свои мысли, Мальте испытывает перед жизнью экзистенциальный страх, страх не перед чем-то конкретным, а перед бытием вообще. И проистекает он из неспособности понять этот мир и преобразовать его в целостную картину. Записки, которые Мальте начинает писать с целью создать «большую книгу», в итоге рассыпаются, становятся фрагментарными и отрывочными. Не в силах сочетать свою жизнь с жизнью человеческого рода, с историей семьи и просто Историей он полностью замыкается в мире грез и воспоминаний. Мир видится ему вереницею вторгающихся картин и воспоминаний, между собой не связанных, разрозненных, противоречивых, где нет закономерностей и высших ценностей. Стремление увидеть мир в целостности, осознать свое место в череде поколений – такая задача оказывается для Мальте непосильной. В этом причина его мучительного внутреннего разлада. Пройдя через цепь тяжелых разочарований, Мальте приближается к тому взгляду на вещи, который был близок Рильке. Он догадывается, что только сам способен создать своего Бога, если будет неотступно двигаться в направлении любви, не принимая от людей ответного чувства. На это может уйти вся жизнь, но такова единственная возможность для художника когда-нибудь в будущем приблизиться к тому, что Рильке называет Богом.

Роман обрывается на полуноте. Герой отрекается от семьи, любви, Бога, оставшись в полном одиночестве.

Рильке вначале задумывал «Записки Мальте Лауридса Бригге» закончить вставной новеллой о Л.Н. Толстом. К.М. Азадовский считает, что раздел «Толстой» может рассматриваться как ключ к пониманию книги: «Его начало находится в прямой связи с завершающими роман словами легенды о Блудном сыне:

«Разве они знали, каков он? Любить его было теперь очень трудно, и сам он сознавал, что на это способен лишь Единый, но тот пока еще не хотел». Смысл этих фраз, подвергавшихся различному толкованию, теперь не подлежит сомнению. «Единый» – это, разумеется, Бог, который «еще не хочет» любить по той простой причине, что он еще не создан человеком»¹. Страх перед приближающейся смертью заставляет Толстого, по мнению Рильке, почувствовать, что его собственный Бог еще не создан. Однако желание обратить на себя любовь других побеждает в писателе естественные творческие порывы. Рильке осуждает Толстого за то, что он уклоняется от «перевоплощающей» работы.

Рильке, как известно, отказался закончить новеллой «Толстой» свой роман, возможно, потому, что Толстой – даже просто как литературная параллель – являл собой нечто цельное, совершенное. Герой же романа так и остался в состоянии внутренних поисков, состоянии разлада и дисгармонии.

В общем контексте романа знаменательная роль отведена рассказам о «великих любящих». Их любовь не умозрительная, а живая и способная на самоотречение. Она обращена к человеку, но не сковывает его бытие, скорее лишь просвечивает любимого светлыми лучами и открывает ему его самого. В этих «любящих» – подлинная человечность и правда жизни.

В «Записках Мальте Лауридса Бригге» Рильке перечисляет мифологические, вымышленные и реальные образы «великих любящих»: Библиды, Сафо, возлюбленной Абельяра Элоизы, венецианской поэтессы XV века Гаспары Стампа, португальской монахини Марианны Алькофорадо, немецкой писательницы эпохи романтизма Беттины Арним – и развивает мысль о ценности любви. По мнению Рильке, подобная трагическая, неразделенная страсть скорее, нежели счастливая любовь, приближает к познанию сущности мира: «Жизнь любимых тяжела и опасна. Ах, если бы они себя пересилили и сделались любящими. У любящих – надежная жизнь. Они уже вне подозрений и сами не могут себе изменить. В них исцеляется тайна, они выпевают ее целиком, как соловей, не дробя. Они плачут по одному-единственному; но вся природа вторит им: это плач по Вечному. Они кидаются вслед за утраченным, но уже с первых шагов обгоняют его, и перед ними – лишь Бог»².

Интересно, что в не включенную в повествование новеллу «Толстой» Рильке ввел образ Т.А. Ергольской. Т.А. Ергольская, будучи дальней родственницей Толстых, почти всю жизнь прожила в их доме и во многом заменила детям умершую мать. Л.Н. Толстой, отмечая ее благотворное влияние, так о ней вспоминал: «Еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни»³.

¹ Азадовский К.М. Р.М. Рильке и Л.Н. Толстой // Русская литература. 1969. № 1. С. 144.

² Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. Роман. Новеллы. Стихотворения в прозе. Письма. М., 1988. С. 166.

³ Бирюков П.И. Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 1. М., 1923. С. 26.

Рильке, с большим интересом читавший биографию Толстого, своеобразно истолковал назначение этой женщины. Согласно его представлению, любовь в высшем смысле предполагает отрицание любви в общепринятом понимании. Образцами такой великой любви для Рильке были вышеназванные женщины, которые, утратив все надежды на земное осуществление своего чувства, продолжали любить, ведя одинокую, почти затворническую жизнь. Такая любовь есть залог творческого развития. К числу «великих любящих» Рильке относит и Т.А. Ергольскую. Однако Толстой, как кажется Рильке, «перед лицом искушения» совершенно пренебрегает заветами Т.А. Ергольской и дает своей жизни неверное направление. Отказавшись от творческого труда в пользу физического, направив свою деятельность на общественное благо, Толстой, по мысли Рильке, в конце концов оказывается не в состоянии понять, чем был продиктован отказ Т.А. Ергольской выйти замуж за его отца. И за это «непонимание» Рильке осуждает Толстого.

В воспоминаниях Мальте большое место отведено родным женщинам. Это прежде всего мать, рано умершая, хрупкая, едва видимая миру, но знающая, чувствующая главную тайну жизни. Это она рассказывала Мальте о мертвых так, как будто была уверена, что они живут и сейчас. Мать лишь для виду читала сыну сказки, на самом деле они их не очень любили, феи разочаровывали, поскольку у сына и матери было иное представление о чудесном. Любимым их занятием было рассматривание кружев, тонкие узоры которых и были проявлением чуда, тайной красоты. Кружевницы, создавшие эти узоры, представляли истинными феями. Мальте был уверен, что своим трудом они заработали себе Царствие Небесное, но мать возражала, уверенная, что, работая, они уже находились там. При этом мать ничего не знала ясно, четко, разумом, она постигала мир сердцем. Каким-то внутренним чувством она видела и ощущала чудо. Именно мать видела, как умерла сестра Ингеборг, о которой потом складывались легенды. Рассказывали, что, собираясь на бал и вкалывая в волосы какие-то блестящие булавки, она слишком близко подошла к зеркалу и мгновенно вся воспламенилась. Собрав весь свет, Ингеборг вспыхнула, когда свет удвоился в зеркале, и сгорела сама, оставив миру одно свечение. По Рильке именно женщина на протяжении многих столетий собирает разлитый в мире свет, рассыпанную красоту.

Один из самых интересных образов романа «Записки Мальте Лауридса Бригге» – Абелона, героиня детства Мальте. Это образ таинственной ускользающей женственности, «вечной любящей», интуитивно близкой тайнам мироздания. Одна из страниц романа посвящена ее завораживающему пению, когда все, кто слушал ее песню о любви, «встали, склоняясь под ее голосом»⁴.

Мальте, для которого осуществленная любовь представляется ущербной в силу своей эгоистичности, рассуждает о том, что Абелона должна была бы направить свои чувства на Бога: «Могло ли ее правдивое сердце не чувствовать, что Бог – лишь направление любви, не ее предмет? Разве она не знала, что здесь

⁴ Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге... С. 175.

можно не бояться взаимности? Не угадывала сдержанности в высоком возлюбленном, который нарочно оттягивает страсть, чтобы дать нам, медленным, выложить все свое сердце?»⁵. Мальте пребывает в убеждении, что полноценная любовь всегда имеет своим адресатом Бога, она присутствует во всех его творениях, но не дается человеку. Большинство людей (и сам Мальте) всегда любят мимо – мимо любимого, мимо его сути, мимо основы вещей. Любящий – тот, кому ничего не нужно, кроме бытия любимого. Но Абелона – исключение. Возможно, поэтому, рассуждает Мальте, она «последние годы загодя готовила свое сердце для незаметного и всечасного сообщения с Богом»⁶.

Сквозь всю русскую литературу, как отмечают современные исследователи О.В. Рябов, В. Непомнящий, Г.Д. Гачев и другие, проходит высокая поэзия неосуществленной любви. На Западе воспета осуществленная любовь: Абелар и Элоиза, Тристан и Изольда, Франческа и Паоло, Ромео и Джульетта, Фауст и Гретхен, в русской же литературе задан образец любви пушкинской Татьяной. Жизнь разводит влюбленных, что усиливает их духовное тяготение. Любовь неосуществленная исполнена духовного Эроса. Она «существует как вечная рана в сердце Татьяны, в душе Онегина – и в этой взаимной боли и божественном несчастье они неизменно принадлежали друг к другу»⁷.

Идея женственности имела большую популярность в развитии российской художественной мысли. На протяжении последних двух веков этой идеей были увлечены А.И. Герцен и К.Д. Кавелин, В.В. Розанов и Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и В.Ф. Эрн, Н.О. Лосский и В.И. Иванов, И.А. Ильин и Г.А. Флоровский. В культуре Серебряного века философия женственности становится предметом дискуссий, занимает особое место в историософской проблематике. Образ России-женщины, «жены, облеченной в солнце», появляется в творчестве В.С. Соловьева, встречается в текстах В.В. Розанова и А. Блока, А. Белого и Н.А. Бердяева.

Образ русской женщины, заданный русской литературой, словно создан для того, «чтоб быть сосудом,местилищем, источающим и рассеивающим по России именно такую любовь – как бы с дистанционным управлением: чтобы отталкивать от непосредственного слияния, зато тем мощнее удерживать страсть на расстоянии, чтобы перегонять... огненную влагу в воздух и ветер»⁸. В русском понимании любовь и пространство соединены, огромные просторы страны словно пути перекрещивающихся разлук и встреч. Неслучайно идеал русских женщин воплотился в декабристках. Им посвящено одно из первых произведений отечественной литературы – поэма Н.А. Некрасова «Русские женщины», в названии которого утверждается национальная специфика. Такая любовь, разлитая в пространстве, независимая от времени, легко уносит дух человека в даль, дает иной взгляд на бытие, просветляет и приобщает к необъятному миру.

⁵ Рильке Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге... С. 175.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Гачев Г. Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью). М., 2004. С. 21.

⁸ Там же. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский, К.М. Р.М. Рильке и Л.Н. Толстой [Текст] // Русская литература. – 1969. – № 1. – С. 129–151.
2. Бирюков, П.И. Биография Льва Николаевича Толстого [Текст]. – Т. 1–4. – М., Пг., 1905. – 923 с.
3. Гачев, Г. Русский Эрос («роман» Мысли с Жизнью) [Текст]. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 640 с.
4. Рильке, Р.М. Записки Мальте Лауридса Бригге. Роман. Новеллы. Стихотворения в прозе. Письма [Текст]. – М. : Известия, 1988.

I.V. Pakhomova

R.M. RILKE'S NOVEL «THE PAPERS OF MALTE LAURIDS BRIGGE» IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE

The article focuses on the novel «The Papers of Malte Laurids Brigge» by Rainer Maria Rilke, an Austrian poet. The novel is treated in the context of Russian literature. Rilke's understanding of femininity and his attitude to the personality of L. Tolstoy are reflected in the novel. A loving woman is capable of self-sacrifice and self-denial. R.M. Rilke believed that paragons of perfect love could be found both among mythological and real women, who could not hope for the implementation of their love, but whose feelings elevated them to God's heights. Such love, according to Rilke, promotes spiritual development. Femininity is a favorite topic of many Russian writers and poets, such as A. Block, A. Bely, V. Solovyev.

God, «The Papers of Malte Laurdis Brigge», true lovers, femininity, love, solitude, Rainer Maria Rilke, Russian literature, Leo Tolstoy, self-denial, art.